Выходитъ що пятницы во Львовѣ. Цѣна на рокъ съ почтою 4 зр. 40 кр. ср. полр. 2 злр. 20 кр. чвертр. 1 злр. 10 кр. на мѣстци 4 злр.

ЗОРЯ ГАЛИЦКА

Предплата отбираетъ ся въ бюрѣ дирекціи книгопечатной Института Ставропигіянского.

ПИСЬМО ПОСВЯЩЕННОЕ ЛИТЕРАТУРѢ И ЗАБАВѢ.

ЧИСЛО 17. Львовъ, 20 Цвѣтня 1856. РОКЪ IX.

СОВѢТЪ.

— Чому такъ въ смутку погруженный
Сидишь мой друже въ самотѣ,
Якъ той облогъ опустошенный
На котромъ терня лишь густы?
Що за внутренную борьбу,
Твое такъ сердце днесь коритъ?
Сольей на мою грудь журбу,
Дружеска грудь ю усмиритъ.

— Оставь мя друже! нѣтъ заглаи
Моему сердцу, нѣтъ ахъ нѣтъ!
Сохну якъ дубъ середъ одаи —
Лишь жолтый листъ зъ веснянныхъ лѣтъ.
Мовлятъ що жизнь солодка мила
Спиваетъ радостны чашки;
Мене отроевь напоила
Заплодила въ мнѣ кордюки.

— Радости чаши суть ломкіи,
Несчастный тотъ ктось перепилъ;
Тому не суть лише горькіи
Кто всесь на дно въ передъ дивилъ,
Кто бере въ уста чашь' такую
Нехай ся добре стереже,
Що бы не спилъ въ спода отрою —
Потомъ — запоздно будетъ вже!...

Е. Згарскій.

О СУЕВѢРІЮ МОРЛАХОВЪ.

(конецъ).

Если кто боится опода запытати чого онъ желаетъ, то такъ долго будетъ вылюсковати, ажь поколь тое не сдѣлается. Суть домы, въ которыхъ лихо ночію шибается; тѣ стоютъ обыкновенно пусткою.

Также и во сны вѣрують Морлахи. Гадина означаетъ счастье, особенно для того, понеже думаютъ о нихъ, що они берегутъ тайныи сокровища. Одна казка приписуетъ имъ вдячность и почтеніе у людей. Были въ началѣ три солнца. Но гадюка, котора скварный жаръ ихъ не могла стерпѣти, рѣшилась ихъ пожерти. Два и полъ солнца удалось ей проглотити, а половину не смогла; и такъ осталось теперѣшное солнце, щобы землю огрѣвало и оживляло. Пожертыи солнца называетъ народъ солнечныи кружки. Но поставшое ся солнце, не подаровало погибель попереднѣйшихъ; до каждого который забіетъ гадюку, говоритъ оно: „Богдай десница твоя зеленѣла ся!" а до того, который не убіетъ ею: „Богдай сохла десница твоя!" Кромъ того проклята есть гадюка, подъ землю или подъ каменье передъ видомъ солнца сокрыватися. Люди лишь пользуются гадюкою и почитаютъ ею для того.

Блудныи свѣтилка суть также духами, но трусликими. Если видятъ, що ихъ ктось боится и передъ ними утекаетъ, бѣжатъ за нимъ; но съ отвагою если кто къ нимъ идетъ то они передъ такимъ утекаютъ. Хотяй и они пужаютъ, то

однакожь послѣ своей барвы сѹть больше или меньше лихими. Червоны оказѹютъ сокровище; но въ каждомъ слѹчаю подорожныи должны перекреститися и отшептати молитовь, щобы не сблѹкатися.

Такожде и отгомонъ (ехо) принадлежитъ къ числѹ дѹховъ. Обитаетъ въ печерахъ, нетѣшится шкодою дрѹгихъ, и не сраблаетъ ничь злого, но имѣетъ въ томъ замилованье изъ всего нарѹгатися, повтаряючи каждый голосъ, который лишь порѹчетъ. „Кто зъ тебе нарѹгается, тотъ не есть твой дрѹгъ," кажѹтъ морлахи и про тое не навидатъ отгомонъ. Кто отгомонъ оутрѹдити желаетъ, тотъ долженъ емѹ сближатися, и все голосно говорити. Понеже онъ никогда съ живущими сойтися не любитъ, то повтаряетъ по той самоймѣрѣ меньше а меньше, за якъ кто къ немѹ сближается, а на конецъ омолкне совершенно и схоается передъ тѣмъ кто его шѹкаетъ.

Дѹже богатыи сѹть морлахи въ сѹевѣрныи обрады, средства и знаки.

Кто на сватый вечерь оумывается росою присбиранною въ ночи на св. Ивана, или грѹди чеснокомъ натираетъ, тотъ черезъ весь рокъ отъ чаровъ забезпеченный.

Доскѣта на св. Юра свищѹтъ изъ всей силы на сопѣлкахъ зъ фиговой или верковой коры; понеже якъ далеко доходитъ звѹкъ, такъ и чаровницы весь рокъ вредити не могѹтъ.

Въ вечерь на св. Ивана поломень обыкновенныхъ огней перескакиваютъ, и мнѣютъ захищенными быти тѣмъ отъ молній и отъ вліяній злыхъ дѹховъ. Звоненіе отвертаетъ и отдаляетъ тѹчи, а съ ними и чаровницы, которыи въ тѹчныхъ хмарахъ несѹтся.

На день св. Павла, должно сокирою о дерево оливное оударити мовлачи: „навернись до плодоносности, якъ св. Павелъ до вѣры;" если тое занехается сдѣлати, не посчаститтся сборъ оливный.

Яйцы по священныи во великоднѹ сѹботѹ, а пожиты на великдень, хоронятъ отъ болю шїи. Сколько вина выпїется во великоднѹ пятницѹ, столько прибѹдетъ черезъ рокъ крови человѣкѹ.

Кто на очи, колтѹны и прочїи осыпки тѣла страдаетъ, тотъ оулѣчится, если въ часѣ воскресенїя оумывается.

Если кто въ сѹботѹ передъ цвѣтновь недѣлевь розличныи цвѣты къ сѹдникѹ намочитъ, а къ цвѣтнѹ недѣлю лице тѣмъ собѣ обмыетъ, тотъ черезъ цѣлый годъ здоровѹ барвѹ задержитъ.

Одверьки кошаръ насмарованны кровїю забитого передъ великоднемъ барана предохраняютъ хѹдобѹ отъ погибели. Маржина въ день св. Ивана и Юрїя рано смытая остается здоровая.

Если собака завыетъ, или пѹгачь вечеромъ или въ ночи пѹгѹ крикнетъ, то несомнѣнно ктось изъ сосѣдства оумретъ. Кѹрка когда запѣетъ якъ когѹтъ, то если скоро не забьешь ею готовое несчастье въ хатѣ дознаешь.

Есть то лихое предзнаменованїе, если дрова въ огнѣ трещатъ, семь или тринатцатъ особъ за столомъ сидятъ, или кто лѣвою рѹкою напитись даетъ, оливѹ выльетъ, два прѹтики или ножи и ложки на окрестъ поскладаетъ, и лѣвою ногою насамперѣдъ въ хатѹ вступаетъ. За тое означаетъ доброе счастье выливанїе вина, стонога на стѣнѣ, ласичка въ хатѣ, встрѣча съ гадиною и пр.

Амѹлеты или записи состоятъ въ паперовыхъ карточкахъ съ библїйною надписью или якою молитвою а часомъ ничимъ не записанны, которыи потомъ скла-

даютъ и запечатаются. Въ давныхъ временахъ на тꙋрецкой границѣ проважено тѣми записами великꙋю торговлю, понеже еще теперь въ народѣ приповѣдка задержалась: „Незаплаченный амꙋлетъ ничого не помагаетъ."

Также не мало причиняются до сꙋевѣрія небесныи и воздꙋшны ꙗвленїя. Такъ н. п. заключаютъ изъ розличной ширины барвъ въ дꙋзѣ на розличны свойства винограда или оливы. Побочныи солнца рано показꙋющїи ся означаютъ вѣтеръ, вечеромъ же дощь. Нѣкоторыи состоянїя маржины, кваканье жабъ, облизованьеся котокъ, вѣстятъ на близкїй дощь. Лꙋна въ первой четвертцѣ знаменаетъ по розличной своей склонности къ землѣ вѣтротишїе, дощь, вѣтеръ или бꙋрю, що потомъ черезъ мѣсяцъ тревает. Комета ꙗкъ всюда много несчастья приноситъ, сѣверное свѣтило предсказꙋетъ кровопролитїе; а кого новый мѣсяцъ съ грошьми застанетъ, томꙋ въ коротцѣ они подвоятся; если же полный мѣсяцъ немовляти въ лице свѣтитъ, то скоро обертается на дрꙋгїй бокъ, понеже дꙋмаютъ, що онъ малыи дѣти прожираетъ.

Подъ звѣздами падающими розꙋмѣютъ они, що самое небо отворяется, для того просьба каждого въ томъ мгновенїю, коли звѣзда спадаетъ, выслꙋхается; но самое ꙗвленїе тое есть такъ борзое, що не статъ и часꙋ свое желанїе выречи. Необыкновенный градъ есть то дѣло чаровницъ, а перꙋнъ происходитъ, если св. Илїя съ своего коза молнїями метати починаетъ. Морлахи выпытꙋются звѣзды при всякомъ дѣлѣ: предъ выбраньемся въ дорогꙋ или въ войнꙋ, при сдѣланью мстительной пакости а даже и передъ встрѣчею съ любимыми.

Є. З.

БОЯНЪ ПѢВЦЯ ИГОРЕВОГО ЕСТЬ ЇОАННЪ НЕСТОРОВЫЙ.

Для чогожь въ Словѣ о полкꙋ Игоревомъ читается Боянъ, а не Їоаннъ? Можетъ ли названье Боянъ сродилось отъ невѣжества переписчика, который переписꙋючи рꙋкопись Слова союзъ бо соединилъ съ именемъ собственнымъ Їоаннъ, и такъ два реченїя бо и Їоаннъ слилъ въ одно Бойоаннъ, а для благозвꙋчїя въ Боянъ? Нѣтъ. Относительно сего положенья не могꙋ согласитись съ выше оупомянꙋтыми сочинителями.

Названье Боянъ не могло произойти отъ слитья двохъ словъ бо и Їоаннъ въ одно слово Боянъ. Ежелибо съ оувагою перечитаемъ всѣ тѣ мѣстця въ Словѣ о полкꙋ Игоревомъ, въ которыхъ находится названье Боянъ, то необходимо оубѣримся, що союзъ бо (denn, weil, enim, при имени Їоаннъ стояти не могъ. Мѣстця, въ которыхъ воспоминается Боянъ въ оупомянꙋтой поетѣ, сꙋть: 1) „Начати же ся тый пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленїю Боянꙋ;" 2) „Боянъ бо вѣщїй, аще комꙋ хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслїю по древꙋ;" 3) „Боянъ же братїе, не десять соколовъ на стадо лебедѣй пꙋщаше; ны своя вѣщїя прысты на живая стрꙋны въскладаше;" 4) „О Бояне, соловїю стараго времени! Абы ты сїя плыки оущекоталъ;" 5) „Чили въспѣти было, вѣщїй Бояне, Велесовь внꙋче!" 6) „Аще и вѣща дꙋша въ дрꙋзѣ тѣлѣ (оу Всеслава) ны чясто бѣды страдаше. Томꙋ вѣщїй Боянъ и пръвое припѣвкꙋ смысленый рече;" 7) „Рекъ Боянъ и ходи на Святъславля." Если переписчикъ невѣжа сотворилъ названье Боянъ изъ бо-Їоанны, то въ рꙋкописи, изъ которой онъ переписывалъ, со-

*

юзъ бо долженъ былъ передъ именемъ Їоаннъ стояти. Но если въ первыхъ трохъ приведенныхъ мѣстцахъ слово Боянъ роздѣлимъ на бо Їоаннъ, то оувидимъ, що союзъ бо совсѣмъ не потребный по тому, що тѣ положенья сопряжены оуже съ предидущими черезъ союзы а, бо, же. Пощожь еще другого союза бо? Хиба для безсмыслицѣ: „А не по замышленїю бо Яню;" „Бо Їоанъ бо вѣщїй;" „Бо Їоанъ же." А даже во второмъ приведенномъ мѣстцѣ одно и то само положенье имѣлобы два союзы бо! Въ четвертомъ и пятомъ мѣстцахъ восхищенный пѣвецъ восклицаетъ въ восторзѣ до Бояна; затѣмъ якая нескладица произойдетъ, ежели роздѣлимъ слово Боянъ на бо-Їоанъ! „О бо Їоане соловїю стараго времени!" „Выспѣти было, вѣщїй бо Їоане, Велесовъ внуче!" Въ шестомъ приведенномъ мѣстцѣ положенье, въ которомъ находится Боянъ, сопряжено съ предидущимъ положенїемъ словцемъ „тому." Въ семомъ мѣстцѣ есть положенїе, если такъ скажу, самостоятельное, не требующое сопряженья съ предидущимъ черезъ сопрягательное якое словце, и тутъ правда, но только тутъ на томъ мѣстцѣ изъ цѣлой поемы можнобы слово Боянъ роздѣлити на бо Їоанъ. Но отъ единственного возможного мѣстца заключати, що переписчикъ соединилъ бо и Їоанъ въ одно слово и сотворилъ собѣ названье Боянъ, есть несправедливо; и то тѣмъ менше такъ заключати можно, понеже тое мѣстце есть послѣдное въ поемѣ и наконецъ понеже союзъ бо малою а не великою буквою пишетъ и писалось. Любители словесности лучше еще о томъ оувѣрятся, ежели схотятъ ласкаво взяти въ руки дорогоцѣнную въ литературномъ отношенїи Г. Головацкого Хрестоматїю, и съ оувагою перечитаютъ цѣлое „Слово о полку Игоревомъ."

Не досыть опровергнути положенїе чужое, но потреба также на мѣстце опроверженного положити иное, которое, по крайной мѣрѣ по мнѣнїю опровергателя, есть лучшое, и тое передъ судъ другихъ представити. По той причинѣ почитаю и я моею должностью объявити мою догадку относительно происхожденья имени Боянъ. Я гадаю, що названье Боянъ составилось изъ Буй Їоаннъ. Буй, буйный значитъ не только frech, rasend, unsinnig, insipidus, но означаетъ и означало отъ давенъ давна плодоносный, плодовитый, весьма обильный въ якомъ нибудь отношенїи. Для того въ Словѣ о полку Игоревомъ буй туръ значитъ: сильный, необыкновенной силы туръ; для того буй Рюрикъ, буй Романъ означаетъ: сильный, хоробрый Рюрикъ, Романъ; для того кажемъ нынѣ: буйна земля, буйна трава, буйный молодецъ, буйныи мысли. Теперьже, Несторъ говоритъ о Їоаннѣ, що слышалъ отъ него много словесъ, а пѣвецъ Игоревый кажетъ, що Боянъ, ежели кому хотѣлъ пѣснь творити, то розтѣкался мыслїю по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, сизымъ орломъ подъ оболоки, и воздыхаетъ и жалѣетъ, що нѣтъ того Буй Їоанна, онъ бо лучше могъ тїи полки Игоревы оущекотати и его походъ воспѣти. Затѣмъ якъ Рюрикъ, Романъ, Всеволодъ названы отъ пѣвца буйными относительно хоробрости, такъ и славный генїй Їоаннъ отъ современниковъ и потомковъ названъ былъ Буй Їоанномъ по тому, що былъ плодовитый, обильный возвышенными, прехорошими мыслями, словами, повѣстьями. Тотъ епитетъ буй

слилсѧ въ теченїи времени съ именемъ Їоаннъ въ оустахъ народа, который обожаючи своего пѣвца всегда епитетъ оный емꙋ додавалъ, слилсѧ кажꙋ въ одно слово Бꙋй-Їоаннъ, Боѧнъ такъ, що пѣвецъ Игоревый, который выстꙋпаетъ около 80 лѣтъ по смерти Їоанна, оуже не дерзаетъ розчимхнꙋти всѣмъ извѣстное имѧ Боѧнъ на составныи части Бꙋй Іоаннъ. Такъ Боѧнъ пѣвца Игоревого есть не иный кто, ꙗкъ Їоаннъ Несторовый которого современники и потомки справедливо назвали Бꙋй Їоанномъ, а которое названье съ временемъ въ оустахъ народа слилось въ одно, прїѧтное, изъ темрѧвой древности литератꙋры Рꙋсскои, ꙗкъ середъ пагꙋбно-темнои ночи меркающаѧ зорка, сїѧющое и длѧ Рꙋси вѣчне дорогое имѧ Боѧнъ.

Пѣвецъ Игоревый, не оуважаючи на етимологїю, взѧлъ живцемъ изъ оустъ народа названье Боѧнъ, взѧлъ, ꙗкъ чꙋлъ отъ народа и черезъ то вскрꙋжилъ головꙋ нынѣшнимъ любителѧмъ литератꙋры словѧнскои такъ, що и одино и иноплеменники ломатъ собѣ головы надъ тѣмъ, кто былъ тотъ Боѧнъ. Онъ и въ иныхъ реченїѧхъ своего слова на етимологїю не смотрилъ, таже онъ жилъ въ 12 столѣтїи. Но длѧ чого нѣкоторыи нашїи сочинители въ 19 столѣтїи етимологїю оставлѧютъ и за ошибочнымъ выговоромъ гонѧтъ? То самаѧ сꙋщаѧ правда, що въ народѣ належитъ искати своей бесѣды; но и то неоспоримаѧ правда, що длѧ совершенного знанѧ ꙗзыка потреба знати не только ѧкъ народъ нынѣ говоритъ, но такожь ꙗкъ тотъ народъ колись говорилъ, ꙗкъ ꙗзыкъ его отъ литератꙋрнопамѧтныхъ временъ розвывалсѧ, ꙗкїи плоды сродилъ; потреба вникнꙋти въ ꙗдро ꙗзыка, въ словопроизведенье, образъ выраженѧ, сопряженѧ выраженїй; потреба оживитисѧ дꙋхомъ ѧзыка, а до того всего потреба знати ꙗзыкъ церковный, старорꙋсскїй и ꙗзыкъ нынѣшнего нашого народа.

М. Онꙋфрїєвичь.

КАРТѦРЬ

образецъ изъ житѧ городского.

(конецъ)

Было то 185 рокꙋ, въ мѣсѧцѣ декемврїѧ. На дворѣ копотѣло снѣгомъ, що и тѧжко очей розжмꙋрити, а морозъ побиралъ що ажь хробꙋстѣло подъ ногами. Выйшовши изъ хаты, спилалъ ꙗ що силы, щобы достатись чимъ скорше где въ ꙗкїй кꙋтъ, довѣдатись где нещо сплетенного изъ газетъ, та и отъ лиха прозѧбшїи кости чимсь розогрѣти. Долго не нагадꙋючись, пойшолъ емь тꙋда, кꙋда найкоротша припадала менѣ дорога — пойшолъ на доминиканскꙋ оулицꙋ до одной гостинницы, где не лише можь было достати склѧнкꙋ не полихого пива, но и прибачити часомъ гдесь щось занимаючого. Отрепавши снѣгъ зъ платѧ, войшолъ емь та оусѣвши при одномъ столикꙋ, сталъ читати еремїадꙋ, ꙗкꙋю по тотъ часъ заводили союзничїи плаксы подъ крѣпостѧми Севастополѧ.

— Добрый вечерь! промовилъ не знаный мнѣ доселѣ панокъ, докинꙋвшись краѧ оу капелюха, и оусѣлъ на боцѣ недалеко отъ мене.

— Добрый вечерь отказалъ емь, не зважаючи больше на него, но дочитꙋючись скоро конца въ занимающомъ ми артикꙋлѣ о страхахъ, прохажающихъ сѧ середъ ꙗбора францꙋзского.

Перечиталъ емь однȣ газетȣ, и ожидаючи дрȣгой, котора крȣжила изъ рȣкъ до рȣкъ, опершись о локоть, розгадовалъ емь собѣ всѧлѧко, що то на конецъ станетсѧ съ тѣмъ Севастополемъ?

Въ гостинницѣ находили сѧ розличныи люди. Тїи бесѣдили о насȣщной войнѣ, тамтїи не любѧщїи запȣскатисѧ багато въ политикȣ, бесѣдили то о кȣривилницѣ, ѧкаѧ залѧгла была все мѣсто, то о дорожнѣ, то и Богъ знаетъ о ѧкихъ тамъ вещахъ. Сесь жаловалъ сѧ на бѣдȣ, тамтотъ приказовалъ не знаючи про жȣркȣ смѣшныи веселыи свои приключки; и такъ наслȣхатись можь было послѣ оуподобы. Когда такъ всѣ сидѣли и межи собою забавлѧли сѧ, отворилисѧ слегка двери, и ѧкъ бы не смѣливо наставилъ впередъ головȣ ѧкїйсь нȣжденникъ, которомȣ бѣда надоѣла, пойшла и по за скорȣ и скрозь кости. Поцокȣючись набралъ ѧкось отваги и войшолъ. Былъ то человѣкъ великїй, страшный отъ нȣжды. Лица позаростали, очи позападалисѧ, на хребтѣ за ледви держалась кȣпки розношенна лахманина, а штаны поопѣтпованы, дрантивы що и рȣбецъ рȣбца недержалъ сѧ. На ногахъ мѣсто чоботъ носилъ сношенныи черевики. Съ виразомъ жестокои болѣзни, стȣпалъ онъ поволе по межи гости; въ одной рȣцѣ держалъ ѧкȣюсь гафтованȣ подȣшечкȣ пацьорковыи ланцȣшки, перстени зъ волоса, а въ дрȣгой корочокъ и карты. Когда сближилъ сѧ къ столикȣ где ѧ сидѣлъ и слабымъ голосомъ озвалъ сѧ: мои панове ставте но на лосы ставте!" сосѣда мой напрѧжено схопилъ сѧ и споглѧнȣвши на бѣднѧка съ выразомъ презрѣнїѧ, мерзкого гидȣ, озвалъ сѧ:

— Чи еще тобѣ не догодили карты? то за полегкїй хлѣбъ человѣче; прочь зъ очей моихъ!

Май бы отчаѧнно споглѧнȣлъ облахманенъ бѣднѧкъ на мовлѧчого, кинȣлъ оземлю картами, и прикрывши головȣ ѧкоюсь шлѧпою, вышолъ затрѣснȣвши дверьми за собою. Лице сосѣды моего захмарилось, брови наморщились и не довольно озвалсѧ къ менѣ:

— А то ошȣстъ мерзенный!

Ѧ нецѣкавый былъ попытоватись дальше, хотай и дивный тотъ поѧвъ, особенно тое, що бѣднѧкъ кинȣлъ такъ злостно картами о землю, попалъ менѣ въ очи. Сосѣда мой прикачивши мое задивленїе озвалъ сѧ опѧть къ менѣ:

— Господине! чи знаете сего человѣка?

— Нѣтъ! отказалъ ѧ равнодȣшно.

— Ахъ то славȣтный тотъ ошȣстъ тотъ шȣлеръ Стȣлскїй, отказалъ онъ.

— Такъ, то Стȣлскїй? а ѧ чȣвалъ о немъ много розсказовъ, но лично до теперь не зналъ емь. И чомȣжь онъ сойшолъ на такȣю нȣждȣ?

— На нȣждȣ? го! го! онъ неголдинъ нїѧкой нȣжды; нѣтъ сорозмѣрной кары длѧ него на семъ свѣтѣ. Божь то онъ одного лишь свелъ въ несчастїе?

Коли такъ, подȣмалъ емь собѣ, то не завадитъ менѣ щось больше оучȣти о томъ славȣтномъ лȣкавцю, которомȣ очевидно затарасована была пȣть злодѣѧнїѧ.

— Господине! озвалъ емь сѧ, благоволѣтъ розповѣсти менѣ докладнѣйше сȣдьбȣ того человѣка.

— А свѣдома вамъ исторїѧ съ Терехтарскимъ?

— А то вже старыи вѣсти; но послѣ послѣ того що дѣѧлось съ Стȣлскимъ.

— Не долго отȣманалъ вже похопныхъ недосвѣдченныхъ паничиковъ; былъ напѧтнованный, каждый оминалъ сѧ съ нимъ

ꙗкъ бы съ заповѣтренными; ба и его давнѣйшіи товариши, ровныи ему ошусты, та шулеры перестали съ нимъ пристакати, когда ему вже не счастилось сходити неуковъ, та недосвѣдковъ. Прійшло сѧ, що онъ принужденъ былъ попастись на ины злыи гадки, обрати собѣ иную путь къ злому. Придыбалъ гдесь ꙗкусь дѣвчину, котора побрала невеличкій домокъ въ спадщинѣ съ городцемъ, поднайшолъ ею и оженилъ сѧ. Пойшолъ и домъ и городецъ! Стулскій не покидалъ сѧ картъ, но счастье отвернуло сѧ отъ него; теперь несчастливаѧ жена его рокитъ розличныи подробныи вещи то гафтомъ, то изъ пацьорокъ, а онъ, онъ волочитсѧ отъ гостиницы до гостиницы съ лосами.

— Такъ, тожь такъ дѣло маетсѧ съ Стулскимъ!

— А Терехтарскій, где онъ обертаетсѧ по сей часъ?

— Терехтарскій человѣкъ честный, порѧдный досталъ село за Розаліевъ, господаритъ и есть счастливый.

Ꙗ подѧковалъ моему сосѣдѣ за его добродушность спращалъ сѧ и отойшолъ.

Не разъ глѧдалъ емь, чи не прибачу где Стулского, но дармо: отъ сей поры не видати его больше въ Львовѣ.

Дописъ изъ Стрыйского.

„Fertilior est seges alieno semper in agro
Vicinumque pecus grandius uber habet" Ovidius in sententiis.

Такъ повѣдаетъ старинный римскій пѣвецъ, а истинну правду повѣдаетъ. Нѣтъ Римлянъ; овидовы кости Богъ знаетъ на що обернулись, но правда нимъ изреченна появляется середъ насъ въ живыхъ видахъ, и поколь людей станетъ, появляти ся будетъ. Чижь нужно намъ много шукати доказательствъ? Доказательствами мы самыи есьмы, наша гадочня, нашіи стремленія въ житю насущномъ. Сумное есть то дѣло, що до духовного нашого быту сопротивъ иныхъ, ба соплеменныхъ намъ народовъ, старающихъ ся печаливо, розвивати народность свою, усовершати духа народного, къ осягненію назначенной имъ Божествомъ цѣли, а тѣмъ самымъ исполняти наложены имъ Божествомъ обовязки. И чижь не зарумянѣемся сли побачимъ, на якомъ степени усовершенья они стоятъ теперь? И они мусѣли въ попередъ горько починати, и они закушали, якъ тяжкое есть каждое начало, и у нихъ стиралися мнѣнія, вели ся различны науковыи и не науковыи споры; но не подъ такими обстоятельствами якъ нынѣ. Идея производитъ, переображаетъ обстоятельства, а обстоятельства идею. Недавно тому якъ мы очуняли, якъ позналисьмы же и намъ Божество опредѣлило окрему путь стремленія, же и на насъ тяжитъ тотъ великій неотокменный обовязокъ, усовершати языкъ свой, розвивати народность свою. Почалисьмы и пересвѣдчилися, якъ тяжкое и горькое есть начало. Появили ся у насъ писатели, появилися и различныи мнѣнія, различныи стремленія; тотъ думаетъ такъ, тамтотъ инакше, хапаются пера где которыи избранны истинны народолюбцы, чувствуючіи глубоко звукъ родного слова. Многіи суть, которыи заедно откликуются на примѣръ иныхъ народовъ: Бачьте, кажутъ они-на Грековъ, Италіяновъ, на Нѣмцевъ, или на що такъ далеко, на Поляковъ и прч. Первыи усовершали свои нарѣчія безъ споровъ и перепонъ; вторыи опиралися перемагаючому вліянію латинщины, и свитяжили; третьи приняли одинъ діялектъ загально, а послѣдніи такожь боролись съ латинщиною. Тамъ где были дѣвствительны силы, где былъ живый корень, тамъ засіяли и побѣдныи лавры. Но чижь можь желати, щобы народность наша, нашь языкъ по такому виду розвинулсь якъ у Грековъ, Италіяновъ, Нѣмцевъ, Поляковъ? Чи заходитъ якое подобіе межи обстоятельствами теперѣшними, а обстоятельствами вѣковъ минулыхъ? Суетныи дѣточіи сны! Кто лишь прибачнымъ духомъ розсмотрится въ розвою исторіи всѣхъ народовъ, тотъ явно не попадетъ на подобныи мысли. У насъ суть ины отношенія, ины обстоятельства, тожь и по иному виду должна розвинутися народность наша, выобразоватися языкъ нашъ. Но, когда мы спoглянемъ на горькіи обстоятельства нашіи, чижь мо-

жемъ потѣшитися якоюсь надѣевь? Нѣтъ! неподаваймы ся якъ невѣсты надѣи, бо постарѣемъ ся, загинемъ не оставивши по собѣ плоду.

Одная выходитъ у насъ во Львовѣ часопись отъ 48 року, а и тая съ концемъ текущого поперестати мусить. Чижь можетъ удержатися при 150 предплатителяхъ? Въ просторонной Галичинѣ не находится больше такихъ, которыи пожертвовали бы 4 рср. и 40 кр. на ей существованье? Такъ то недоставаючій ille nervus rerum и найискреннѣйшіи усилія и пожертвованья истинныхъ народолюбцевъ въ сожалѣнія годную ничтожность приводитъ!

И. Б.

Мѣстцевыи извѣстія.

Пріемно намъ есть сказати, же въ Церквѣ Ставропигіиской сего г. Госп. Францъ Костикъ профессоръ пасторалной, проповѣди страстныи имѣлъ, и ЧЧ. Питомцы сѣменища такожь що недѣли въ реченной городской Церквѣ красно проповѣдаютъ; видко мимику добру и слово народнорусское. Честь да будетъ Всч. г. профессору Костику за его стараніе ся о добро церковное народа нашого; дай Господи Боже, дабы и много иныхъ еще словомъ тогожь господина першій разъ возбудженныхъ, такожь такъ къ пользѣ народа нашого працовало.

Помеждy иными скажемъ такожь же Г. Богъ помагаетъ и теперь въ такъ тяжкихъ временахъ красны жертвы для церкви Ставропигійской приносити; и такъ госпожа Елена Попадинецъ старшая сестрица тойже церкви, жертвовала на Св. Благовѣщеніе покровъ до пушки „ad sanctissimum" такій красный и добрый, же еще невидѣлисьмы никогда ни въ церквѣ ни въ костелахъ.

ГОСПОДАРСТВО.

(Сажа яко средство до справленія поля) Сажа есть то дуже добре сильне и скоро дѣлающе средство до справленія поля, на которое по нынѣшній день мало кто еще свертал̃ъ свою прибачность. Имѣетъ она нѣсколько очень важкихъ свойствъ, межи иными особенно тое, що посредствомъ чорной барвы, втягаетъ больше тепла солнечного, задержуетъ волгкость, истребляетъ буряны и зелище на квасныхъ лукахъ, а на конецъ губитъ поземельныи блохи и ины подробнѣйшіи овады. Доселѣ лишь въ Англіи знано употребляти сажу якъ найкорыстнѣйше яко средство до управы поля.

Свойства навозовыи сажи залежатъ по большой части отъ роду вещества изъ которого сажа стается, и отъ менше или больше докладного спаленія тогожь. Найлучша сажа есть изъ каменныхъ углей потомъ изъ дерева, а на конецъ зъ торфу. Що до совершенности спаленія, свѣдомо що высокіи фабричныи комины найлучшу достарчаютъ сажу. Сажа является обыкновенно во двоякомъ видѣ: или во видѣ массы стопленной въ огнѣ, или въ видѣ совершенно мелкого порошку. Зъ помежи двохъ тѣхъ родовъ, первый несоперечно большую вартость имѣетъ, но передъ употребленіемъ на порошокъ розбити ся долженъ.

Употребленая сажа подъ рѣпу, капусту, конюшину и стручковыи ростенія, заровно и на луки, найбольшіи слѣдствія справляетъ, несровнательно спріяетъ возросту коренныхъ рослинъ. Майже всѣ грунта изятно чисто пѣсковыи, или зъ природы теплыи, навозъ тотъ дуже добре пріймаютъ.

Книжныи извѣстія.

Изъ печатни Института Ставропигійского выйдетъ „Церковный служебникъ" ново исправленный послѣ почаевского и помноженный. Цѣна въ дорозѣ предплаты стоитъ 12 зл. р. послѣ же выпечатанія 18 зл. р. отъ екс. Институтъ Ставропигійскій тому розписуетъ предплату на тое богоугодное дѣло, понеже много ложитъ на украшеніе и обновленіе церкви городской при Успенію св. Богородицы.

Отъ Редакціи.

Кто бы зъ помежи всечестныхъ господиновъ предплатителей не получилъ якоесь число, просимъ сголоситися. Тіи же господинове, которы Зорю читаютъ, но еще доселѣ ничь не платили, да благоволятъ рѣшитись, понеже мы въ коротцѣ думаемъ столько лишь екземпляровъ Зори печатати, сколько предплатителей будетъ.

Тупомъ Института Ставропигіянского. Редакторъ Николай Савчинскій.